

ДРАКУЛА

БРЭМ
СТОКЕР

КЛАССИКА

МИ∞

МИФ Проза

Брэм Стокер

Дракула. Коллекция Аны Награни

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

1897

УДК 821.111.1-31(417)

ББК 84(4Ирл)-44

Стокер Б.

Дракула. Коллекция Аны Награни / Б. Стокер — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 1897 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-250900-3

Впервые опубликованный еще в 1897 году, роман «Дракула» остается актуальным и по сей день. История вампира из Трансильвании, сплетенная из вымысла и реальных исследований Брэма Стокера, открывает нам грани темной и светлой сторон человеческой натуры, а также поднимает тему извечного противостояния добра и зла.

УДК 821.111.1-31(417)

ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-00-250900-3

© Стокер Б., 1897

© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 1897

Содержание

Брэм Стокер	5
Глава I	7
Глава II	15
Глава III	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Брэм Стокер Дракула

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Красавченко Т. Н., перевод, 2023

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Моему дорогому другу Хомми Бегу¹

Прочитав книгу, вы поймете, как она создавалась. В ее основе – записи о непосредственно происходивших событиях, представленных с

---

¹ *Хомми Бег*, то есть Мальш Томми, – дружеское прозвище на мэнском диалекте близкого друга Б. Стокера романиста Холла Кейна (1853–1931), отец которого был родом с острова Мэн.

точки зрения и в пределах понимания их участников. Все изложено именно так, как было, хотя ныне кажется невероятным.

Глава I

Дневник Джонатана Гаркера (сохранившийся в стенографической записи)

3 мая. Бистрица

Выехал из Мюнхена в 8:35 вечера 1 мая и ранним утром следующего дня был в Вене; поезд вместо 6:46 пришел на час позже. Поэтому в Будапеште время стоянки предельно сократили, и я боялся отойти далеко от вокзала; из окна вагона и после небольшой прогулки по улицам город показался мне очень красивым. Такое чувство, будто покидаешь Запад и встречаешься с Востоком; самый западный из великолепных мостов² через необычайно широкий и глубокий в этом месте Дунай перенес нас в мир, еще сохраняющий следы турецкого владычества.

Из Будапешта мы выехали почти по расписанию и с наступлением темноты прибыли в Клаузенбург³, где я остановился в гостинице «Ройал»⁴. На обед или, вернее, на ужин подали цыпленка, оригинально приготовленного с красным перцем, очень вкусного, но после него хотелось пить. (Не забыть взять рецепт для Мины.) Официант сказал, что это национальное блюдо *parrika hendl*⁵ и что в Карпатах его подают везде. Мое скромное знание немецкого здесь очень пригодилось; просто не знаю, как бы я без него обходился.

В последний раз в Лондоне у меня осталось немного свободного времени, и я побывал в библиотеке Британского музея – полистал книги о Трансильвании, посмотрел ее географические карты, понимая, что некоторые познания об этой области будут нелишними в моем общении с трансильванским аристократом Дракулой, к которому мне надо было вскоре выехать по делам. Я выяснил, что он живет на самом востоке страны, на границе трех областей: Трансильвании, Молдавии и Буковины; в глубине Карпат – в одном из самых малоизвестных и наименее тронутых цивилизацией мест Европы. Однако ни по картам, ни по другим источникам не удалось установить, где именно расположен замок Дракулы, – подробных карт этой области, сравнимых с картами нашего Британского государственного картографического управления, до сих пор нет. Но я узнал, что упомянутая графом Дракулой Бистрица, почтовый городок, – место довольно известное. Хотел бы кое-что пояснить: потом, когда я буду рассказывать Мине о своем путешествии, эти заметки помогут мне лучше все вспомнить.

В Трансильвании живут в основном четыре народа: на юге – саксонцы вперемежку с потомками даков, валахами; на западе – мадьяры; на востоке и севере – секлеры⁶. Я нахожусь среди секлеров, считающих своими предками Аттилу и гуннов. Возможно, так оно и есть: когда мадьяры в XI веке завоевали эту область, она была заселена гуннами.

---

² Цепной мост, или мост графа Сеченьи, висячий мост через Дунай, связывающий исторические части Будапешта – Буду и Пешт, был открыт в 1849 году и считался чудом своего времени.

³ *Клаузенбург* – город в Центральной Трансильвании. Ныне румынский Клуж.

⁴ «Королевская» (англ.). Прим. пер.

⁵ Курица с паприкой (нем.). Прим. пер.

⁶ *Секлеры* – этнографическая группа венгров в восточной Трансильвании (ныне входящей в Румынию). Говорят на особом диалекте венгерского языка.

Я читал, что все существующие на свете суеверия сосредоточились в подкове Карпатских гор, как будто эта местность – эпицентр некоего водоворота фантазии. Если действительно так, то мне здесь будет интересно. (Не забыть поподробнее расспросить об этом графа.)

Спал я плохо, и, хотя постель была довольно удобной, мне снились какие-то странные сны – может быть, оттого, что всю ночь под окном выла собака, или же из-за острой пищи. Выпил целый графин воды, и все равно мучила жажда. Под утро заснул, и, видимо, крепко, потому что проснулся от настойчивого стука в дверь – наверное, долго не могли добудиться.

На завтрак заказал еще паприку, мамалыгу (это такая каша из кукурузной муки) и баклажаны, начиненные мясным фаршем, – замечательное блюдо, называется «имплетата». (Надо взять и его рецепт.)

С завтраком пришлось поторопиться: поезд отправлялся около восьми, вернее, должен был отправиться в это время. Примчавшись на станцию в половине восьмого, я больше часа просидел в вагоне, прежде чем состав тронулся с места. Мне кажется, чем дальше на восток, тем поезда менее пунктуальны. Интересно, а как с этим обстоят дела в Китае?

Весь следующий день мы бездельничали, любуясь из окна вагона прекрасными пейзажами. Мимо проносились городки и замки на крутых холмах, точно сошедшие с гравюр старинных молитвенников. Судя по широким каменистым берегам, окаймляющим реки и ручьи, тут бывали большие паводки – так очертить сушу могут только мощные потоки воды.

На каждой станции толпились пестро одетые люди. Некоторые из них, совсем как крестьяне на моей родине или во Франции и Германии, были в коротких куртках, круглых шляпах и домотканых штанах, другие смотрелись живописнее. Издали женщины казались красивыми, вблизи же выглядели бесформенными и неловкими в нарядах с пышными белыми рукавами разных фасонов; на многих были пояса с обилием оборок, колышущихся наподобие балетных пачек, и, конечно, на всех – нижние юбки. Но самое странное впечатление своим нецивилизованным видом производили словаки в больших ковбойских шляпах, мешковатых грязно-белых штанах, заправленных в высокие сапоги, белых холщовых рубахах и чудовищных размеров, почти в фут шириной, кожаных поясах, густо усеянных медными заклепками. Длинноволосые, с густыми темными усами, словаки, несомненно, живописны, но к себе не располагают. На сцене их можно было бы показывать как шайку восточных разбойников из давнего прошлого, однако мне говорили, что они совершенно безобидны и этот их вид, вероятно, естественная форма самоутверждения.

К вечеру мы добрались до Бистрицы, оказавшейся очень интересным старинным городком. Расположен он буквально на границе (от него ущелье Борго ведет прямо в Буковину) и в прошлом жил весьма бурной жизнью, следы которой, пожалуй, видны и ныне. Пятьдесят лет назад в городке было много пожаров, в пяти случаях просто опустошивших его. В самом начале XVII века он выдержал трехнедельную осаду и потерял тринадцать тысяч человек – убитыми и умершими от голода и болезней.

Граф Дракула в своих письмах рекомендовал мне гостиницу «Золотая корона», которая оказалась достаточно старомодной, что не могло не порадовать, ведь мне, конечно же, хотелось узнать как можно больше об обычаях и укладе жизни этого края. Видимо, моего приезда ждали: в дверях меня встретила приветливая, уже немолодая женщина в традиционном крестьянском платье – белой юбке с кокетливо обтягивающим ее двойным длинным передником из цветной ткани. Она поклонилась и спросила:

– Господин англичанин?

– Да, – ответил я, – Джонатан Гаркер.

Женщина приветливо улыбнулась и что-то сказала стоявшему за ней пожилому мужчине в белом жилете. Он тут же вышел, а когда мгновение спустя вернулся, в руке его было письмо...

*Мой друг, добро пожаловать в Карпаты. С нетерпением жду Вас.
Сегодня хорошо выпитесь. Завтра в три дилижанс отправится в Буковину;*

в нем Вам заказано место. На перевале Борго будет ждать мой экипаж, он и доставит Вас ко мне. Надеюсь, Ваше путешествие из Лондона протекает благополучно и пребывание в моем прекрасном крае окажется для Вас приятным.

Ваш друг

Дракула

4 мая

Хозяин гостиницы, сообщив мне, что получил письмо от графа с просьбой заказать для меня лучшее место в дилижансе, на мои расспросы не отвечал, делая вид, что не понимает моего немецкого. Какое лукавство – до этого он прекрасно все понимал; по крайней мере отвечал на мои вопросы. Теперь же он и его жена, та пожилая женщина, что встретила меня, испуганно переглядывались. Он промямлил, что с письмом получил деньги и больше ему сообщить нечего. На вопросы о том, встречал ли он графа Дракулу и не может ли рассказать мне что-нибудь о его замке, хозяин гостиницы и его жена лишь перекрестились и от дальнейших расспросов уклонились.

Уже совсем скоро надо было отправляться в путь, и я не успевал расспросить еще кого-нибудь, а все выглядело загадочно и начинало меня тревожить.

Перед самым отъездом ко мне в комнату вошла взволнованная жена хозяина:

– Вам обязательно нужно ехать? О сударь, неужели это так необходимо?

Она была в таком возбуждении, что, изрядно растеряв свой и без того небольшой запас немецких слов, смешивала их со словами другого, незнакомого мне языка. Я понял ее лишь потому, что сам задавал вопросы. Когда я сказал, что должен ехать немедленно – у меня важное дело, – она спросила:

– Да знаете ли вы, какой сегодня день?

Я ответил:

– 4 мая.

Она покачала головой:

– Да это-то ясно! Но знаете ли вы, что это за день? – И, заметив мое недоумение, пояснила: – Канун святого Георгия. Неужели вам не известно – сегодня, когда часы пробьют полночь, вся нечисть этого мира получит власть на земле? Вы хоть знаете, куда едете и что вас ждет?

Было видно, что она очень расстроена, и все мои попытки успокоить ее оказались безуспешными. В конце концов она упала передо мной на колени и умоляла не ехать или хотя бы отложить поездку на день-другой. Это выглядело довольно нелепо, и все же мне стало не по себе. Но дело есть дело, ничто не могло остановить меня. Я бросился к ней, помог подняться и, поблагодарив за заботу, как можно решительнее сказал, что надо ехать, – таков мой долг. Тогда она встала, вытерла глаза и, сняв с себя крест, попросила меня надеть его. Я не знал, как мне быть: я принадлежу к Англиканской церкви и привык относиться к таким проявлениям веры как к идолопоклонству, но мне не хотелось обижать пожилую женщину, исполненную самых благих намерений. Видимо, почувствовав мои колебания, она сама надела крест мне на шею и, сказав: «Носите его ради вашей матери», вышла из комнаты.

Делаю записи в дневнике в ожидании дилижанса, который, конечно же, запаздывает; крест так и остался у меня на шее. То ли мне передан страх хозяйки гостиницы, то ли вспомнились рассказы о привидениях в этих краях, а может быть, крест тому виной – не знаю, но на душе у меня беспокойно. Если этот дневник попадет к Мине раньше, чем мы увидимся, пусть он станет залогом нашей скорой встречи. А вот и дилижанс!

5 мая. Замок

Утро было пасмурным, но вскоре яркое солнце появилось над горизонтом, который выглядит зубчатым из-за деревьев или холмов, – издалека не различишь. Спать не хочется, и, поскольку будить меня не станут, я намерен писать, пока не усну. Произошло много странного, и, чтобы читатель дневника не подумал, что я слишком плотно поужинал в Бистрице и поэтому у меня галлюцинации, подробно опишу свой ужин. Мне подали блюдо под названием «разбойничье жаркое»: куски бекона и говядины с луком, приправленные красным перцем, нанизывают на прутья и жарят прямо на огне, совсем как конину в Лондоне! Я пил вино «Золотой медиаш». Оно необычно пощипывает язык, но приятное. Выпил лишь пару бокалов, и всё.

Когда я сел в дилижанс, кучера еще не было на козлах. Он разговаривал с хозяйкой гостиницы – наверное, обо мне: оба то и дело на меня поглядывали; несколько человек, сидевших у двери на скамейке (ее здесь называют «сплетницей»), подошли к ним, прислушались и стали тоже посматривать в мою сторону, в основном сочувственно. В толпе были люди разных национальностей – до меня доносилось множество повторяющихся, странно звучащих слов; я потихоньку достал из сумки свой «Полиглот» и нашел там некоторые слова. Не могу сказать, что они меня порадовали: среди них были *ordog* – «дьявол», *rokol* – «ад», *slregoica* – «ведьма», *vrolok* и *vlkoslak* – на сербском и словацком означающие одно и то же, что-то вроде оборотня или вампира. (Нужно будет расспросить графа об этих суевериях.)

Наконец дилижанс тронулся. Все столпившиеся у входа в гостиницу – а к этому моменту народу собралось довольно много – перекрестились и указали двумя пальцами в мою сторону. Мне с трудом удалось добиться от одного из попутчиков, что это значит. Сначала он не хотел отвечать, но, узнав, что я англичанин, объяснил: это особый жест защиты от дурного глаза. И хотя мне стало не по себе, ведь ехал я в незнакомое место к незнакомому человеку, однако доброжелательность, искреннее сочувствие этих людей меня тронули. Никогда не забуду картину: гостиничный двор, у широких ворот под аркой живописная толпа, все крестятся, а в глубине видны густые заросли олеандра и апельсиновые деревья в зеленых кадках. Потом наш кучер, заполонивший своими широкими холщовыми штанами, называемыми здесь «готца», все сиденье на козлах, щелкнул длинным кнутом над четырьмя маленькими лошадками – и те дружно взяли с места.

Любуясь красотами природы, вскоре я совершенно забыл о своих смутных опасениях; возможно, если б мне был известен язык или, вернее, языки, на которых говорили мои попутчики, я не смог бы так отвлечься. Перед нами расстилалась зеленая, покрытая рощами и густыми лесами местность, вдали вздымались высокие холмы, увенчанные островками деревьев или фермами, белые остроконечные фронтоны которых были видны с дороги. Поражало изобилие цветущих фруктовых деревьев – яблонь, слив, груш, вишен; видно было, что трава под деревьями усыпана лепестками. Наш путь, изгибаясь, теряясь в зелени, появляясь на опушках сосновых лесов, сбегавших по склонам, как языки пламени, пролегал меж зеленых холмов *Mittel Land*⁷, как здесь ее называют. Дорога была неровная, но мы мчались по ней с лихорадочной скоростью. Тогда я не понимал причины этой гонки, но кучер явно спешил и хотел добраться до ущелья Борго как можно скорее. Очевидно, дорогу еще не успели привести в порядок после зимы; мне говорили, что летом она в отличном состоянии и существенно отличается от других карпатских дорог, о которых по старой традиции не слишком-то заботятся. Раньше господари⁸ предпочитали не чинить их, опасаясь, как бы турки не усмотрели в этом намерения облегчить доступ войскам союзников – это могло привести к развязыванию войны, вероятность которой всегда была велика.

За зелеными крутыми холмами *Mittel Land* величественно возвышались Карпаты, покрытые могучими лесами. Горы вздымались по обе стороны дороги, и после полудня солнце ярко

---

⁷ Средней земли (нем.). Прим. пер.

⁸ *Господари* – здесь: правители Валахии с XV века по 1866 год.

освещало все великолепие красок этой изумительной горной цепи: темно-синие и пурпурные гребни, зеленую и коричневую траву на скалах и бесконечную вереницу зубчатых скал и острых утесов, терявшихся вдаль, где царственно высились снежные пики. Кое-где виднелись громадные расселины, и в лучах клонившегося к закату солнца серебрились струи водопадов. Один из спутников тронул меня за руку, когда мы обогнули подножие холма, а после гонки по серпантинной дороге открылся вид на величественную снежную горную вершину, возникшую как бы прямо перед нами:

– Посмотрите! Isten szek! Обитель Бога!

И он благоговейно перекрестился.

Мы продолжали наше, казалось, нескончаемое путешествие по извивающейся дороге, а солнце позади нас опускалось все ниже и ниже; начали сгущаться сумерки. Они особенно ощущались по контрасту с еще освещенной заходящим солнцем снежной вершиной, окрашенной нежным розовым цветом. Время от времени мы встречали местных жителей – чехов и словаков – в живописных одеждах. Я заметил, что многие из них страдают зобом. Вдоль дороги было много крестов, и при виде их мои спутники часто крестились. Порою перед распятиями стояли на коленях крестьянин или крестьянка, так глубоко погруженные в молитву, что не реагировали на наше приближение, – казалось, они не замечали ничего вокруг. Многое здесь было мне в диковинку: например, скирды сена на деревьях, дивные островки плакучих берез – их белые стволы мерцали серебром сквозь нежную зелень листвы. То и дело нам встречались *leiter – wagon*⁹ – примитивные, длинные змеевидные крестьянские арбы, рассчитанные на ухабы. На них размещалось довольно много возвращавшихся домой крестьян: чехов – в белых и словаков – в крашенных тулупах; словаки держали, как копыя, свои топоры с длинными топорщами.

С наступлением вечера становилось холоднее, сгущавшиеся сумерки окутывали непроглядной пеленой купы деревьев – дубов, буков, сосен, хотя в долинах, пролежавших меж отрогов холмов на нашем пути вверх по ущелью, на фоне залежавшегося снега четко вырисовывались темные ели. Иногда дорога проходила через сосновый бор, и казалось, что могучие ветви смыкаются над нами; тогда непроглядный мрак производил особенно таинственное и зловещее впечатление, вновь невольно вызывавшее жуткие мысли и фантазии, уже приходившие на ум раньше, когда в лучах заходящего солнца возникали похожие на призраки облака, бесконечной чередой несущиеся над карпатскими долинами.

Холмы местами были такими крутыми, что, несмотря на все старания кучера, лошади могли двигаться только шагом. Я хотел сойти и, как это принято у меня на родине, взять их под уздцы и повести шагом, но кучер об этом и слышать не хотел.

– Нет, нет, – возразил он, – вам не следует здесь ходить, тут полно свирепых собак. – И, обернувшись к остальным пассажирам, добавил, явно рассчитывая на одобрение своей мрачной шутки: – Сдается мне, вас ждет еще немало сюрпризов, прежде чем вы ляжете спать.

Остановился он лишь однажды – чтобы зажечь фонари.

Когда стемнело, пассажиры заволновались и один за другим стали просить кучера ехать быстрее. Безжалостными ударами длинного кнута и дикими криками он погнал лошадей, они помчались во весь опор. Потом в темноте я увидел впереди полосу серого света – будто холмы расступились. Волнение среди пассажиров нарастало; шаткий дилижанс подпрыгивал на высоких рессорах и раскачивался во все стороны, как шхуна в бурном море. Мне пришлось крепко держаться. Затем дорога выровнялась, мы словно летели по ней. Горы обступили нас вплотную и, казалось, излучали неприязнь; мы въехали в ущелье Борго.

Некоторые попутчики предложили мне подарки, да так настойчиво, что отказаться было невозможно: подарки эти, необычные и разнообразные, преподносились искренне и сопро-

---

⁹ Телега с решетчатыми бортами; арба, фура (нем.). Прим. пер.

вождались добрым словом и жестами, которые я уже наблюдал у гостиницы в Бистрице: дарители крестились и отмахивались от дурного глаза. А тем временем мы мчались дальше, кучер подался всем телом вперед, а пассажиры, высунувшись из дилижанса, всматривались в темноту. Впереди происходило или ожидалось что-то необычайное, но, как я ни расспрашивал попутчиков, никто мне ничего не объяснил. Всеобщее волнение нарастало до тех пор, пока мы наконец не увидели перевал, открывавший дорогу на восточную сторону. Клубившиеся над головой тучи и духота предвещали грозу. Казалось, горная цепь была границей, за которой мы попали в грозную атмосферу.

Я вглядывался в дорогу в ожидании экипажа, который должен был отвезти меня к графу, каждую минуту надеясь увидеть свет фонарей, но впереди было темно. Единственным источником света оставались наши собственные фонари, раскачивавшиеся из стороны в сторону; в их неверных лучах белым облаком подымался пар от уже изрядно уставших лошадей. Можно было разглядеть песчаную дорогу – и никаких признаков экипажа на ней. Пассажиры откинулись на сиденья со вздохом явного облегчения, словно в насмешку над моим разочарованием. Я уж было призадумался, что предпринять, как вдруг кучер, посмотрев на часы и обращаясь к другим пассажирам, что-то тихо проговорил. Я не расслышал, что именно; кажется, это было:

– На час раньше времени.

Потом повернулся ко мне и сказал на плохом немецком:

– Нет никакой кареты. Похоже, господина не встречают. Ему лучше поехать с нами на Буковину, а вернуться завтра или послезавтра, лучше послезавтра.

Пока кучер говорил, лошади начали ржать, фыркать, вставать на дыбы – он изо всех сил удерживал их. Вдруг под крики то и дело крестившихся пассажиров нас догнала коляска, запряженная четверкой лошадей и, поравнявшись с нами, остановилась вплотную к дилижансу. Свет наших фонарей упал на коляску, и я увидел великолепных породистых вороных. На козлах сидел высокий человек с длинной темной бородой, в широкой черной шляпе, скрывавшей его лицо. Он повернулся к нам – я заметил лишь блеск его глаз, показавшихся мне красными в свете фонарей, – и сказал кучеру:

– Что-то ты сегодня рано, мой друг.

Кучер ответил, запинаясь:

– Господин англичанин подгонял.

На что незнакомец возразил:

– Поэтому ты, наверное, и советовал ему ехать на Буковину. Меня не обманешь, друг мой, слишком многое ведомо мне, да и лошади у меня резвые.

Говоря это, он улыбался, и фонари освещали его жестко очерченный рот, ярко-красные губы и острые зубы, белые, как слоновою костью. Тут один из моих попутчиков прошептал соседу строку из «Леноры» Бюргера:

– Denn die Toten reiten schnell!¹⁰

Странный возница явно расслышал эти слова и взглянул на говорившего с торжествующей улыбкой. Пассажир отвернулся, осенил себя крестным знаменем и оттопырил два пальца.

– Поддай-ка мне багаж господина, – бросил возница кучеру, и мои вещи с чрезмерным рвением были перенесены из дилижанса в коляску.

Она стояла бок о бок с дилижансом, и возница помог мне перебраться в нее, подхватив меня под руку стальной хваткой; должно быть, он обладал необычайной силой. Не говоря ни слова, он тряхнул поводьями – четверка вороных повернула, и мы помчались в темноту ущелья. Оглянувшись, я увидел поднимавшийся над лошадьми пар и на этом фоне моих недавних попутчиков – они крестились. Потом их кучер щелкнул кнутом, прикрикнул на лошадей – и они стремглав понеслись по дороге на Буковину.

---

¹⁰ Гладка дорога мертвецам (нем.). Прим. пер.

Когда дилижанс канул в темноте, я ощутил легкий озноб и приступ одиночества; но на мои плечи тут же был накинут плащ, на колени – плед, а возница обратился ко мне на прекрасном немецком языке:

– Ночь холодна, сударь, а мой хозяин, граф, просил как можно лучше позаботиться о вас. Под сиденьем – фляжка со сливовицей, нашим национальным бренди, на случай если вы захотите согреться.

Я не стал пить его, но было приятно сознавать, что живительная влага под рукой. Мне было не по себе – я был не на шутку напуган; думаю, будь у меня хоть какой-то выбор, я бы теперь, конечно, воспользовался им и отказался от этого чреватого неизвестностью ночного путешествия.

Коляска неумолимо неслась вперед, потом мы круто повернули и вновь помчались, никуда не сворачивая, по прямой дороге. Казалось, мы попросту кружим на месте; приметив один ориентир, я убедился, что прав. Хотел было спросить кучера, что это значит, но побоялся: в моем положении любой протест оказался бы бесполезен, если все это делалось умышленно. Вскоре я решил узнать, который час, зажег спичку и взглянул на часы – до полуночи оставалось несколько минут. Это весьма неприятно подействовало на меня; свойственный людям суеверный страх перед полночью лишь усилился после недавних впечатлений. Меня охватило тягостное предчувствие.

Где-то вдали, на ферме, завывала собака – долгий протяжный вой, будто от страха. Ее поддерживала другая, затем еще одна и еще, пока их завывания, подхваченные поднявшимся в ущелье ветром, не слились в один дикий хор – казалось, выла вся огромная округа, насколько можно было представить ее себе во мраке ночи. Лошади, едва раздался вой, натянули поводья и встали на дыбы, но возница ласково заговорил с ними – и они успокоились, хотя покрылись испариной и продолжали дрожать, словно не могли опомниться от страха. Потом далеко в горах по обе стороны от нас раздался еще более громкий и пронзительный вой – теперь уже волчий, он подействовал и на лошадей, и на меня: я был готов выпрыгнуть из коляски и бежать куда глаза глядят, а лошади взвились на дыбы и, как обезумевшие, рванулись вперед, вознице пришлось пустить в ход всю свою недюжинную силу, чтобы сдержать их.

Однако через несколько минут вой уже не казался таким пугающим, да и лошади настолько успокоились, что возница смог сойти с коляски и встать перед ними. Он оглаживал их, успокаивал, шептал им что-то на ухо – я слышал, так обычно поступают объездчики лошадей; эффект был поразительный – обласканные им, лошади присмирели, хотя и продолжали дрожать. Возница вернулся на кóзлы, тронул поводья – и мы помчались вперед. На этот раз, заехав глубоко в ущелье, он вдруг свернул на узкую дорогу, резко ухотившую вправо.

Вскоре мы въехали в чашу: деревья нависали над дорогой, создавая арки, – мы оказались в своеобразном туннеле; а затем с двух сторон нас обступили хмурые утесы. Хотя мы были как в укрытии, до нас доносился шум разгулявшегося ветра, со стоном и свистом проносившегося по утесам, ломавшего ветви деревьев. Становилось холоднее: наконец пошел мелкий, словно крупа, снег, покрывший нас и все вокруг белым одеялом. Сильный ветер еще доносил до нас вой собак, по мере нашего удаления он становился слабее. Зато волки выли еще ближе; они, казалось, окружали нас. Мне стало страшно, и лошади как будто бы разделяли мой испуг. Возница же не выказывал никакой тревоги – знай себе поглядывал по сторонам, а я ничего не различал в темноте.

Вдруг слева мне привиделся слабый мерцающий голубой огонек. В тот же миг его заметил и возница: он сразу остановил лошадей и, спрыгнув на землю, исчез во тьме. Я не знал, что делать, тем более что вой волков приблизился; но, пока я недоумевал, мой провожатый вернулся и, не говоря ни слова, сел на свое место, и мы поехали дальше. Я, должно быть, задремал, и мне все время снился этот эпизод: он повторялся многократно. И теперь, когда я вспоминаю нашу поездку, она кажется мне чудовищным кошмаром. Как-то раз голубой огонек

возник так близко к дороге, что я смог в кромешной тьме, окутывавшей нас, разглядеть, что делал возница. Он быстро подошел к тому месту, где появился огонь – видимо, очень слабый, потому что почти не освещал ничего вокруг, – и, собрав несколько камней, что-то соорудил из них. Другой раз наблюдался странный оптический эффект: возница, оказавшись между мной и огнем, не загородил его собой – я все так же, как бы сквозь него, видел призрачный голубой свет. Удивлению моему не было предела, но длилось это всего миг, и я решил, что тут какой-то обман зрения, вызванный напряженным всматриванием в темноту. Потом голубые огни на время исчезли, мы быстро ехали сквозь тьму под аккомпанемент воя волков, которые, казалось, преследовали нас.

Однажды кучер довольно далеко отошел от коляски, и в его отсутствие лошади начали дрожать сильнее прежнего, фыркать и тревожно ржать. Я не мог понять причину – волчий вой совсем прекратился; вдруг при свете луны, которая появилась из-за темных облаков над зубчатым гребнем поросшего соснами утеса, я увидел вокруг нас кольцо волков с белыми клыками, свисающими красными языками, длинными мускулистыми лапами и грубой шерстью. В своем зловещем молчании они были во сто крат страшнее, нежели когда были. Страх парализовал меня. Лишь сам испытал такой ужас, человек способен понять, что это такое.

Вдруг волки опять завывали – будто лунный свет как-то особенно подействовал на них. Лошади брыкались, вставали на дыбы, беспомощно косились по сторонам выкатившимися из орбит глазами – на них было больно смотреть; живое кольцо ужаса окружало их со всех сторон, и вырваться они не могли. Я стал звать возницу, понимая, что единственный шанс спастись – с его помощью прорваться сквозь кольцо. Я кричал, стучал по коляске, надеясь шумом отпугнуть волков и помочь моему провожатому пробраться к нам. Откуда он появился – не знаю: я услышал его голос, прозвучавший повелительно, потом увидел на дороге его самого. Он простер руки вперед, как бы отстраняя невидимое препятствие, – и волки начали медленно отступать. Но тут большое облако заволкло луну, и мы опять оказались в темноте.

Когда луна выглянула, я увидел возницу, взбиравшегося на сиденье; волков и след простыл. Все было так странно и жутко, что меня охватил безумный страх, я боялся говорить или двигаться. Мы мчались по дороге, теперь уже в кромешной тьме – клубящиеся облака совсем закрыли луну; казалось, этому конца не будет. Потом мы стали подниматься в гору: спуски попадались лишь изредка, в основном дорога шла вверх. Вдруг я понял, что возница останавливает лошадей во дворе громадного полуразрушенного замка, его высокие окна были темны, а разбитые зубчатые стены неровной линией вырисовывались на фоне залитого лунным светом неба.

Глава II

Дневник Джонатана Гаркера (продолжение)

5 мая

Я, должно быть, задремал, иначе наверняка не пропустил бы момент приближения к столь примечательному месту. Ночью двор выглядел просторным, несколько темных дорожек вели к широким круглым аркам; возможно, поэтому он показался мне больше, чем на самом деле. Я ведь еще не знал, как он выглядит при дневном свете.

Коляска остановилась, возница спрыгнул на землю и помог мне сойти. Я снова обратил внимание на его необычайную силу: не рука – настоящие стальные тиски; при желании он мог запросто раздавить мою. Багаж он поставил подле меня. Я стоял у громадной старой двери, которая была обита железными гвоздями и встроена в дверной проем, сделанный в добротной каменной кладке. Даже при тусклом освещении был виден резной орнамент вокруг двери, полустершийся от времени и непогоды. Меж тем возница взобрался на козлы, дернул поводья – лошади тронулись, и экипаж скрылся под одним из темных сводов.

Я растерялся и замер там, где стоял, не зная, что делать дальше. На двери не было никаких признаков звонка или дверного молотка; едва ли мой голос смог бы проникнуть сквозь эти угрюмые стены и темные оконные проемы. Мне казалось, что я провел там целую вечность, сомнения и страхи одолевали меня. Куда я попал? К каким людям? В какую странную историю впутался? Что это? Обычный эпизод в жизни помощника стряпчего¹¹, отправленного к иностранцу для разъяснения правил приобретения дома в Лондоне? Помощник стряпчего! Мне это не понравилось бы. Впрочем, ведь уже и не помощник: перед самым отъездом из Лондона я узнал, что успешно выдержал экзамены и стал полноценным стряпчим!

Я потер глаза, ущипнул себя и убедился, что не сплю. Все пережитое показалось мне чудовищным ночным кошмаром, и я надеялся, что вдруг проснусь у себя дома, на рассвете, усталым, разбитым, как бывало после дня напряженной работы. Но я щипал себя наяву, и глаза мои меня не обманывали: это была реальность, я находился в Карпатах. Оставалось лишь запастись терпением и ждать наступления утра.

Только я пришел к этому выводу, как услышал тяжелые шаги за дверью и увидел сквозь щели мерцание света. Затем раздался звук гремящих цепей, заскрежетали массивные засовы, с резким скрипом в замочной скважине повернулся ключ – им явно давно не пользовались, – и громадная дверь медленно отворилась...

На пороге стоял высокий бледный старик с длинными седыми усами, с головы до ног в черном. В руке он держал антикварную серебряную лампу, пламя в ней не было прикрыто стеклом или абажуром и, колеблясь от сквозняка, отбрасывало длинные дрожащие тени. Церемонным жестом старик пригласил меня войти, обратившись на прекрасном английском языке, – лишь интонация показалась мне необычной:

---

¹¹ В британской юридической практике есть два вида адвокатов: стряпчий консультирует клиентов, подготавливает дела для барристера (адвоката, выступающего в судах) и имеет право выступать в низших судах.

– Добро пожаловать в мой дом! Входите смело, по своей воле!¹²

Он не вышел мне навстречу, а замер, как статуя, будто жест приветствия парализовал его. Но едва я переступил порог, как он тотчас бросился ко мне и сжал мою руку с такой силой, что я содрогнулся; рука его была холодна как лед и напоминала скорее руку мертвеца, чем живого человека.

Старик повторил:

– Добро пожаловать в мой дом! Входите смело и поделитесь с нами хоть малой толикой своего счастья!

Его рука была столь же сильной, как и у возницы, лицо которого мне так и не удалось разглядеть, и на миг я засомневался: а не он ли это? Чтобы рассеять подозрения, я спросил:

– Граф Дракула?

Он учтиво поклонился:

– Я – Дракула. Приветствую вас, мистер Гаркер, в моем доме. Заходите – ночь холодная, вам нужно поесть и отдохнуть.

С этими словами старик повесил лампу на крючок в стене, шагнул за порог, взял мой багаж и внес его в дом, прежде чем я успел ему воспрепятствовать. Я все же попытался протестовать, но он твердо сказал:

– Нет, сударь, вы – мой гость. Уже поздно, слуги спят. Позвольте мне самому позаботиться о вас.

Старик понес мои вещи по коридору, а затем наверх по большой винтовой лестнице и вновь по длинному коридору с каменным полом, где наши шаги отдавались гулким эхом. В конце коридора он распахнул тяжелую дверь, и я обрадовался, увидев ярко освещенную комнату, в которой стоял стол, накрытый к ужину, а в большом камине ярко горели и потрескивали поленья.

Граф внес мои вещи, поставил их на пол, затворил за нами дверь и, пройдя через комнату, открыл другую – в маленькое восьмиугольное помещение с одной единственной лампой и, по-видимому, лишенное окон. Миновав его, он открыл третью дверь и пригласил меня войти в следующую комнату. Она мне очень понравилась. Это была просторная спальня, прекрасно освещенная и отапливаемая камином, в котором пылал огонь, разведенный, судя по еще не прогоревшим поленьям, недавно; из дымохода доносился монотонный гул.

Граф внес мой багаж и вышел; закрывая дверь, он сказал:

– После дороги вы, конечно, захотите освежиться и переодеться. Надеюсь, вы найдете здесь все необходимое; когда будете готовы, приходите в соседнюю комнату ужинать.

Свет, тепло и любезность графа рассеяли мои сомнения и страхи. Обретя душевное равновесие, я вдруг понял, что очень голоден, и, быстро переодевшись, поспешил в соседнюю комнату.

Ужин был на столе. Хозяин стоял у камина, облокотившись на его каменный выступ; церемонным жестом пригласив меня к столу, он сказал:

– Прошу вас, садитесь, поужинайте в свое удовольствие. Надеюсь, вы извините меня – я не составлю вам компанию: я обедал и обычно не ужинаю.

Я вручил ему запечатанное письмо, которое мне дал мистер Хокинс. Граф вскрыл его, внимательно прочитал и с любезной улыбкой вернул мне. Одно место в нем было мне особенно приятно:

Очень сожалею, что приступ подагры, которой я давно страдаю, исключает для меня возможность любых путешествий в ближайшем будущем. Но я рад, что могу послать достойного заместителя, которому

---

¹² Стокер основывается на традиции, по которой дьявол может творить свои дела только с согласия «клиентов» (см. «Фауст» Гёте, «Кристалль» Колриджа).

всецело доверяю. Это энергичный, способный и надежный молодой человек. Несмотря на молодость, он осмотрителен и сдержан, работает у меня давно и хорошо знает дело. Во время своего пребывания у Вас он будет всемерно помогать Вам в ведении Ваших дел и выполнит все Ваши поручения.

Граф подошел к столу, снял крышку с блюда, и я немедленно принялся за прекрасно зажаренного цыпленка. Вместе с ним были поданы сыр, салат и бутылка старого токайского вина – я выпил пару бокалов – таков был мой ужин. Пока я ел, граф расспрашивал меня о путешествии, и постепенно я рассказал ему все, что пережил. Закончив ужин, я по приглашению графа придвинул свой стул к огню и закурил предложенную сигару, сам же хозяин извинился, что не курит. Теперь мне представился удобный случай рассмотреть его. Внешность графа, несомненно, заслуживала внимания.

Выразительный орлиный профиль, тонкий нос с горбинкой и особым изгибом ноздрей, высокий выпуклый лоб и густые волосы, лишь немного редющие на висках, нависшие, кустистые брови, почти сросшиеся на переносице. В рисунке рта, насколько я мог разглядеть под большими усами, таилось что-то жестокое; в столь странном впечатлении были повинны и зубы – очень острые, белые, они не полностью прикрывались губами, ярко-красный цвет которых свидетельствовал о незаурядной жизненной силе, необычной для человека его возраста. Я заметил, что у графа характерные, заостренные кверху уши, широкий и энергичный подбородок, щеки впалые, но не дряблые. Особенно поражала бледность лица.

Издали при свете огня его руки, лежавшие на коленях, выглядели белыми и изящными, а вблизи оказались грубыми – широкими, с короткими толстыми пальцами. Странно, на его ладонях росли волосы! Ногти – тонкие, длинные, заостренные. Когда граф наклонился и дотронулся до меня рукой, я невольно содрогнулся – у него было зловонное дыхание, и я ощутил невольный приступ тошноты, который, как ни старался, не смог скрыть. Граф, очевидно заметив это, отодвинулся и с угрюмой улыбкой, еще более обнажившей зубы, сел на прежнее место у камина.

Некоторое время мы оба молчали. Я посмотрел в окно и увидел первый, еще смутный проблеск наступающего рассвета. Повсюду царил необычайная тишина, но, прислушавшись, я различил где-то – кажется, внизу в долине – вой волков. Глаза графа блеснули, и он сказал:

– Послушайте их, детей ночи. Какая музыка!

Заметив, наверное, недоумение на моем лице, он добавил:

– Ах, сударь, вам, горожанам, не понять чувств охотника, живущего в глуши.

Потом встал:

– Вы, должно быть, утомились. Ваша спальня готова, и завтра спите сколько угодно. Меня не будет до полудня. Спокойной ночи, приятных снов!

С учтивым поклоном он сам открыл дверь в восьмиугольную комнату, и я пошел спать...

Что за странное состояние: меня одолевают сомнения, страхи, подозрения, в которых я не решаюсь сам себе признаться. Господи, храни меня хотя бы ради тех, кто мне дорог!

7 мая

Опять раннее утро, целые сутки я провел в полном комфорте. Спал почти до вечера и проснулся сам. Одевшись, я прошел в комнату, где накануне ужинал, там меня ждал холодный завтрак и горячий кофе: кофейник стоял на камине. На столе лежала записка:

Должен ненадолго отлучиться. Не ждите меня.

Д.

Я приступил к завтраку и поел от души. Потом хотел позвонить в колокольчик, дать знать прислуге, что можно убрать, но нигде не нашел его – довольно странный недостаток для дома с таким роскошным убранством. Столовый сервиз – из золота и такой прекрасной работы, что

ему, наверное, цены нет. Шторы, обивка стульев, кушеток и драпировка в моей спальне – из роскошных, изысканных тканей, должно быть, баснословно дорогих уже и в те времена, когда их покупали; несмотря на свою древность, они хорошо сохранились. Подобные ткани я видел в Хэмптон-корте¹³, но там они были потертые, обтрепанные, изъеденные молью. Удивительно, ни в одной комнате нет зеркала. Даже на моем туалетном столике. Чтобы побриться и причесаться, пришлось воспользоваться зеркальцем из моего несесера. Слуг не видно и не слышно; и вообще – никаких звуков, кроме воя волков.

После завтрака или, скорее, обеда (не знаю, как назвать, поскольку было это между пятью и шестью часами вечера) я решил что-нибудь почитать – мне не хотелось осматривать замок без ведома графа. Но в столовой не оказалось ни книг, ни газет, ни письменных принадлежностей. Я открыл другую дверь и обнаружил библиотеку. Толкнулся еще в одну дверь, но она была заперта.

В библиотеке, к своей великой радости, я нашел много английских книг – целые полки были уставлены ими и годовыми комплектами журналов и газет. Стол посреди комнаты тоже был завален старыми английскими журналами и газетами. Книги же самые разные: по истории, географии, политике, политэкономии, ботанике, геологии, юриспруденции – всё об Англии, ее жизни, обычаях и нравах. Там были даже справочники – Лондонская адресная книга, «Красная» и «Синяя» книги¹⁴, альманах Уитакера, Армейский и Флотский реестры, но особенно порадовал мою душу «Юридический справочник».

Я просматривал книги, когда дверь вдруг отворилась и вошел граф. Он сердечно приветствовал меня, выразил надежду, что я ночью хорошо спал, а потом сказал:

– Рад, что вы пришли сюда, тут много интересного для вас. Эти книги, – он положил руку на стопку книг, – мои верные друзья уже несколько лет, с тех самых пор как у меня возникло намерение поехать в Лондон; они доставили мне много приятных часов. Благодаря им я узнал вашу великую Англию, а узнать ее – значит полюбить. Я так хочу пройтись по оживленным улицам огромного Лондона, попасть в самый центр людского водоворота и суеты, окунуться в городскую жизнь с ее радостями, несчастьями, смертями – словом, во все, что делает этот город тем, что он есть. Но увы! Пока я изучал ваш язык только по книгам. Надеюсь, мой друг, благодаря вам я научусь хорошо говорить по-английски.

– Помилуйте, граф, вы в совершенстве владеете английским!

Он степенно поклонился:

– Благодарю вас, мой друг, за ваше лестное мнение обо мне, но боюсь, что я всего лишь в начале пути. Конечно, я знаю грамматику и слова, но еще не умею толком пользоваться ими.

– Поверьте мне, – заверил я, – вы прекрасно говорите.

– Это не так, – настаивал он. – Уверен, если бы я переехал в Лондон, любой сразу бы понял, что я иностранец, а мне бы этого не хотелось. Здесь я знатен, я – граф, народ меня знает, я – господин. А пришелец в чужих краях – никто; люди его не знают и, следовательно, равнодушны к нему. Я бы хотел не отличаться от других, чтобы на меня не обращали особого внимания, а услышав мою речь, не говорили бы: «Ха! Да это же иностранец!» Я привык быть господином и хотел бы им остаться; по крайней мере, надо мной уже не может быть никакого господина. Для меня вы не просто доверенное лицо моего друга Питера Хокинса из Эксетера¹⁵ и приехали не только для того, чтобы разъяснить мне все о моем новом владении в Лондоне.

---

¹³ *Хэмптон-корт* – дворцово-парковый ансамбль (XVI век) в лондонском районе Ричмонд на берегу Темзы, королевская резиденция до 1760 года, ныне музей.

¹⁴ «*Красная книга*» – официальный биографический справочник политических деятелей и государственных служащих (название по цвету переплета). «*Синяя книга*» – справочник статистических данных и деловой информации; название восходит к XV веку, когда большие книги в синих бархатных переплетах использовались для ведения записей в парламенте.

¹⁵ *Эксетер* – один из древнейших городов на юго-западе Англии в графстве Девоншир, известен собором в готическом стиле XII–XIV веков.

Надеюсь, вы побудете со мной здесь некоторое время – в беседах с вами я усовершенствую свой английский. Прошу вас, исправляйте малейшие ошибки в моем произношении. Жаль, что мне пришлось так надолго отлучиться сегодня, но вы, полагаю, простите столь занятого человека, как я.

Конечно, я заверил его, что готов во всем помочь ему, и попросил разрешения пользоваться библиотекой.

– Разумеется, – ответил он и добавил: – Вы можете свободно ходить по замку, кроме тех комнат, которые заперты, да у вас, наверное, и не возникнет желания заходить туда. Так уж здесь повелось – на то свои резоны, и если бы вы могли увидеть мир моими глазами и обрести мои познания, то поняли бы здесь все гораздо лучше.

Я сказал, что не сомневаюсь в этом, а он продолжал:

– Мы в Трансильвании, а Трансильвания – это не Англия. Наш уклад жизни отличается от вашего, многое здесь покажется вам странным. И судя по тому, что вы мне рассказали о своих приключениях, вы уже имеете некоторое представление о своеобразии нашего края.

Это было только началом нашего долгого разговора. Хозяину явно хотелось побеседовать – вполне вероятно, лишь ради разговорной практики, и я воспользовался возможностью расспросить его о том, что наблюдал своими глазами. В нескольких случаях он уходил от ответа, делал вид, что не понимает, но в основном отвечал очень искренно. Постепенно я настолько осмелел, что спросил его о странных событиях прошлой ночи, например о том, зачем возница ходил туда, где замечал голубые огни. Граф объяснил мне, что существует поверье: в ночь беспредельной власти духов зла, которая бывает только раз в году, – именно вчера и была такая ночь, – там, где спрятаны клады, появляются голубые огоньки.

– Нет сомнений, в той местности, по которой вы проезжали прошлой ночью, погребены сокровища; несколько веков в этом краю шла борьба между валахами, саксонцами и турками. Каждая пядь земли полита здесь человеческой кровью патриотов и захватчиков. В прошлом сюда являлись полчища австрийцев и венгров, и патриоты – мужчины, женщины, старики и дети – выходили им навстречу, подстерегали их в горах на перевалах или в узких ущельях и устраивали искусственные обвалы. Если захватчики и одерживали победу, им мало что доставалось: все, что можно, было надежно упрятано в землю.

– Но почему же клады так долго остаются погребенными, если существуют безошибочные ориентиры и людям надо лишь взять на себя труд приметить их? – спросил я.

Граф улыбнулся, обнажив при этом десны и крупные, острые клыки.

– Потому что крестьянин в душе трус и дурак. Эти огоньки появляются лишь в единственную ночь, но в эту ночь ни один здешний житель носа не высунет из дома. А если бы, сударь, он и осмелился выйти, то все равно бы не знал, что делать. Ведь даже если б он заметил место, где был огонек, то все равно бы при дневном свете не знал бы, где искать его. Могу поклясться, что даже вы не смогли бы теперь найти эти места!

– Тут уж вы совершенно правы, – вздохнул я. – Даже где их искать, мне известно не больше, чем покойникам.

Затем беседа перешла в иное русло.

– Послушайте, – сказал граф, – расскажите мне наконец о Лондоне и о доме, который вы подобрали для меня.

Извинившись за рассеянность, я пошел к себе за бумагами. И, раскладывая их по порядку, слышал позвякивание фарфоровой посуды и столового серебра в соседней комнате; когда же я вернулся, стол был убран, лампа зажжена – к этому времени уже совсем стемнело. Свет горел и в библиотеке, я увидел, что граф прилег на кушетку и читает – из всех возможных книг он выбрал английский справочник «Брэдишо»¹⁶! Когда я вошел, он убрал книги и бумаги

---

¹⁶ «Брэдишо» (по фамилии первого издателя Джорджа Брэдишо) – известный справочник расписания движения на всех

со стола, и мы углубились в разного рода планы, акты и цифры. Его интересовало все, он задал множество вопросов о доме и его окрестностях. Граф явно уже успел изучить местность, где находился дом, и в конце концов выяснилось, что он знал о ней гораздо больше меня. Когда я отметил это, он сказал:

– Но, мой друг, разве в этом нет необходимости? Там я буду совершенно один, ведь моего друга Гаркера Джонатана – нет, извините, это обычай моей страны называть сначала фамилию, – моего друга Джонатана Гаркера не будет рядом со мной, чтобы направлять меня, помогать мне. Он будет далеко, в Эксетере – работать над юридическими документами с другим моим другом, Питером Хокинсом. Вот так!

Мы стали досконально вникать в детали покупки дома в Пёрфлите. Я сообщил своему странному клиенту все обстоятельства, он поставил подпись на нужных документах, и я приложил к ним сопроводительное письмо для мистера Хокинса. После этого граф стал расспрашивать, как мне удалось найти такую подходящую усадьбу. Я прочитал ему заметки, сделанные мною в то время; привожу их здесь.

В Пёрфлите, в стороне от шоссе, в тихом месте я набрел, кажется, именно на то, что нужно. Там висело обтрепанное объявление о продаже дома. Он окружен высокой, старинной кладки стеной из больших тяжелых камней и долгие годы не ремонтировался. Ворота из старого дуба и изъеденного ржавчиной железа заперты.

Усадьба называется Карфакс – несомненно, искаженное старое французское название «Катр Фас» (четыре лица): все четыре стены дома расположены по основным направлениям компаса. Участок занимает акров двадцать, огороженных уже упомянутой глухой каменной стеной. Там много деревьев, отчего местами в усадьбе мрачновато; есть глубокий темный пруд или, точнее, озерцо, питающееся, наверное, подземными источниками, – вода в нем прозрачная, и из него вытекает речка. Дом очень большой, и в его архитектуре преобладает печать Средневековья: одна из его частей сделана из очень толстого камня, в ней лишь несколько высоко расположенных окон с железными решетками. Дом напоминает замок и примыкает к старой часовне или церквушке. У меня не было ключа от двери, ведущей из дома в часовню, поэтому я не заходил внутрь, но сделал несколько ее снимков своим «Кодаком». В разные времена дом частично и довольно беспорядочно достраивался, поэтому я не смог точно определить его общую площадь, но она, должно быть, очень велика. Поблизости домов немного, один из них – довольно большой – построен недавно, это частная психиатрическая лечебница. Но из усадьбы ее не видно.

Когда я закончил, граф сказал:

– Хорошо, что дом старинный и просторный. Я сам из древнего рода, жизнь в новом доме была бы для меня мучительна. Конечно, за день дом не сделаешь обжитым; но, в сущности, не так уж много дней составляют столетие. Меня радует и то, что там есть старая часовня. Нам, господам Трансильвании, не хотелось бы, чтобы наши кости покоились рядом с простыми смертными. Я не ищу ни веселья, ни радости, ни упоения солнечными лучами и искрящимися водами, которые так ценят люди молодые и жизнерадостные. Я уже не молод, и мое сердце, измученное годами скорби по умершим, не склонно к веселью. Да и стены моего замка разрушаются; внутри сумрачно, а сквозь проломы и поврежденные оконницы дует холодный ветер. Я люблю тень и полумрак и хотел бы жить уединенно, насколько это возможно.

Почему-то его слова не соответствовали его облику. Возможно, сами черты лица этого человека придавали зловещий оттенок его улыбке.

Вскоре он извинился и вышел, попросив меня собрать мои бумаги. В его отсутствие я начал рассматривать книги. Среди них был атлас, открытый, конечно же, на карте Англии; было видно, что ею часто пользовались. Я заметил, что некоторые названия обведены кружками: один из них – близ Лондона, как раз там, где расположена новая усадьба графа; два другие – Эксетер и Уитби¹⁷ – на Йоркширском побережье.

Приблизительно через час граф вернулся.

– А, вы всё еще за книгами? – заметил он. – Хорошо! Но вы не должны так много работать. Пойдемте, мне доложили, что ужин готов.

Он взял меня под руку, и мы прошли в соседнюю комнату, где меня ждал великолепно накрытый стол. Граф вновь отказался разделить со мной трапезу, сославшись на то, что обедал вне дома. Но, как и накануне, пока я ел, сидел со мной, непринужденно беседуя. Потом я закурил сигару, как и накануне. И так за разговором – граф задавал вопросы на самые разные темы – прошло несколько часов.

Я никоим образом не дал понять, что время очень позднее, так как считал себя обязанным быть любезным с хозяином. Спать мне не хотелось, вчерашний продолжительный сон подкрепил меня. Однако я почувствовал озноб, как это обычно бывает на рассвете, ведь рассвет – это переход от ночи к дню, он подобен смене приливов и отливов на море. Говорят, что люди чаще всего и умирают в предрассветные часы или же при смене прилива и отлива; любой, кто работал целую ночь и, устав, испытал на себе этот переход из одного времени суток в другое, поймет меня.

Вдруг мы услышали необыкновенно пронзительный крик петуха, словно прорезавший прозрачный утренний воздух.

Граф Дракула тут же вскочил:

– Ну вот, снова утро! Непростительно было с моей стороны продержат вас тут всю ночь. Но ваш захватывающий рассказ о старой доброй Англии, которая станет моей новой родиной, так увлек меня, что я потерял счет времени.

И, церемонно поклонившись, он вышел.

У себя в комнате я раздвинул шторы, но не заметил ничего интересного; окно выходило во двор, мне была видна лишь легкая дымка на светлеющем небе. Поэтому я задернул занавеси и описал прошедший день.

8 мая

Прежде меня смущало обилие подробностей в моих записях, но теперь я этому рад: в замке что-то неладно, я чувствую себя не в своей тарелке. Как бы мне хотелось выбраться отсюда целым и невредимым или вообще не приезжать сюда. Возможно, на меня действуют эти странные ночные бдения, но если б дело было только в них! Будь здесь еще хоть кто-нибудь, с кем можно было бы перемолвиться словом, мне было бы легче; но никого нет. Только граф, а он... Боюсь, я здесь единственная живая душа. Пожалуй, лучше попросту изложить факты – это поможет мне сохранить рассудок и не дать волю воображению. Иначе я погиб. Рассказываю все как было или же как мне показалось.

Я спал всего несколько часов, а потом почувствовал, что больше не засну, и встал. Подвесив у окна свое зеркало, начал бриться. Вдруг ощутил на плече руку и услышал голос графа:

– С добрым утром!

---

¹⁷ Уитби – курортный городок в графстве Северный Йоркшир на восточном побережье Англии у дельты реки Эск; рыболовный порт.

Вздрыгнув от неожиданности, я слегка порезался, но в тот момент не обратил на это внимания, куда больше меня удивило то, что я не увидел графа в зеркале, хотя в нем отражалась вся комната. Ответив на приветствие, я вновь повернулся к окну, чтобы проверить, не померещилось ли мне. На этот раз не было никакого сомнения: граф стоял почти вплотную ко мне, я видел его через плечо, но в зеркале его не было! Вся комната отражалась, а в ней – никого, кроме меня. Поразительно! Эта странность усилила смутное чувство тревоги, возникавшее у меня всякий раз в присутствии графа.

В ту же секунду я заметил, что моя ранка слегка кровоточит и кровь тонкой струйкой сбегает по подбородку. Я отложил бритву, повернувшись при этом вполборота в поисках пластыря. Граф увидел мое лицо, глаза его вспыхнули каким-то неистовым демоническим огнем, и вдруг он схватил меня за горло. Я отпрянул, и его рука коснулась четок, на которых висел крест. Это вызвало в нем резкую перемену – приступ бешенства прошел мгновенно, будто его и не было.

– Будьте осторожны, – прошептал он, – будьте осторожны, когда порежетесь. В нашем краю это опаснее, чем вы думаете. – Потом, выхватив зеркало, добавил: – А все натворила эта никудышная вещь – мерзкая игрушка человеческого тщеславия. Выбросьте ее!

Открыв массивное окно, он вышвырнул в него зеркальце, и оно вдребезги разбилось о камни, которыми был выложен двор. Затем, не говоря ни слова, вышел. Это все крайне неприятно. Не представляю себе, как я теперь буду бриться, разве что перед корпусом моих часов или днищем бритвенного прибора, сделанного, к счастью, из металла.

Когда я вышел в столовую, завтрак был уже накрыт, но графа не было. Так что ел я в одиночестве. Странно, я до сих пор не видел графа за едой или питьем. Он очень своеобразный человек! После завтрака я решил обследовать замок. Вышел на лестницу и обнаружил комнату, выходящую на юг. Передо мной открылась великолепная панорама. Замок расположен на самом краю пропасти. Камень, брошенный из окна, пролетел бы, наверное, тысячу футов, прежде чем коснуться земли! Куда ни посмотри, везде зеленое море деревьев, а кое-где – глубокие впадины, видимо, там, где пропасти. Местами – серебряные нити: это речки вьются в узких ущельях.

Но у меня нет настроения описывать красоты природы; я пошел дальше: двери, двери, повсюду двери, и все – на замках и засовах. И нет никакой возможности выбраться, разве что через окно.

Этот замок – настоящая тюрьма, а я – узник!

Глава III

Дневник Джонатана Гаркера (продолжение)

Я впал в бешенство, когда до меня дошло, что я в плену. Бегал вверх и вниз по лестницам, пробуя каждую дверь и выглядывая из каждого окна; но вскоре сознание беспомощности заглушило все остальные чувства. Теперь, спустя несколько часов, припоминаю свое тогдашнее состояние, и мне кажется, что я на время сошел с ума и вел себя как крыса, попавшая в ловушку. Однако, осознав безнадежность своего положения, я сел и хладнокровно, как никогда в жизни, стал обдумывать, что же мне предпринять.

И до сих пор ничего не могу придумать. Только в одном я уверен: не стоит посвящать графа в мои раздумья и намерения. Он прекрасно знает, что я в ловушке, и, поскольку он это и устроил, видимо, у него какой-то умысел. Он лишь обманет меня, если я буду с ним откровенен. А потому у меня один путь – скрывать свои страхи, делать вид, что я ни о чем не догадываюсь, и зорко следить за всем. Возможно, я, как дитя, поддался собственным страхам, а если действительно попал в чертовски трудное положение, то мне потребуется весь мой разум, чтобы найти спасительный выход.

Не успел я об этом подумать, как внизу хлопнула тяжелая дверь – я понял: граф вернулся. Он не пришел сразу в библиотеку, поэтому я тихонько направился к себе в комнату и застал его там – он убирал мою постель. Странно, но это лишь подтверждает мои предположения: слуг в доме нет. Когда позднее сквозь щели в дверях столовой я увидел, что граф накрывает на стол, я уже не сомневался в этом (раз он сам исполняет обязанности слуг, значит, больше это делать некому). А если в замке, кроме нас, никого нет, тогда граф был и возницей коляски, которая привезла меня сюда... Мне стало не по себе: выходит, это он умирал волков мановением руки. Почему люди в Бистрице и в дилижансе так боялись за меня? Зачем они дали мне распятие, чеснок, шиповник, ветку рябины? Да благословит Господь ту добрую, милую женщину, которая повесила крест мне на шею! Каждый раз, когда я дотрагиваюсь до него, он придает мне сил и спокойствия. Как странно, что именно то, к чему меня приучили относиться враждебно, как к идолопоклонству, теперь, когда я оказался в беде и совершенно одинок, поддерживает меня. Кроется ли что-то сакральное в самой сущности этих вещей, или они служат своеобразным средством передачи сочувствия и утешения – и именно это оказывает реальную помощь? Когда-нибудь, если все обойдется, обязательно изучу этот вопрос и разберусь в нем. А пока нужно как можно больше узнать о графе Дракуле – это поможет мне понять происходящее. Сегодня же вечером постараюсь заставить его рассказать о себе. Но нужно быть очень осторожным – не вызвать у него подозрений.

Полночь

Долго беседовал с графом – расспрашивал об истории Трансильвании, и он очень живо и вдохновенно рассказал о людях и событиях, особенно о битвах, как будто он видел их собственными глазами. Позднее он объяснил это тем, что для боярина честь рода и фамилии – его честь, их слава – его слава, их судьба – его судьба. Всякий раз, упоминая свой род, он говорил «мы» и вообще почти всегда говорил о себе во множественном числе, как король.

Жаль, у меня не было возможности дословно записать его рассказы об истории этого края – я слушал их затаив дыхание. А он волновался, ходил по комнате, теребя седые усы, хватая все, что попадало под руку, будто жаждал все сокрушить. Один рассказ – об истории его народа – постараюсь привести подробнее.

– Мы, секлеры, по праву гордимся своим происхождением – в наших жилах течет кровь многих храбрых поколений, которые дрались за власть, как львы. Здесь, в водовороте европейских племен, угры унаследовали от исландцев воинственный дух Тора и Одина¹⁸, а берсерки¹⁹ вели себя на морском побережье Европы, Азии, да и Африки так жестоко, что люди принимали их за оборотней. Придя сюда, они столкнулись с гуннами, которые в воинственном пылу, подобно огненному смерчу, прошли по этой земле, и погубленные ими народы считали, что в их жилах течет кровь старых ведьм, изгнанных из Скифии и совокупившихся с бесами пустыни. Глупцы, глупцы! Какие бес или ведьма могли сравниться с великим Аттилой, кровь которого течет в моих жилах? – И он воздел руки. – Может ли кто-то усомниться, что мы – племя победителей? И что мы по праву гордимся этим? А когда мадьяры, лангобарды, авары²⁰, болгары и турки хлынули к нам, разве не мы оттеснили их с нашей земли? Стоит ли удивляться, что Арпад²¹ и его легионы, пройдя ураганом через всю Венгрию и достигнув границы, споткнулись о нас и что здесь был положен конец Хонфоглалашу²²? А когда мадьяры двинули на восток, то они, победив, признали свое родство с секлерами и много веков доверяли нам охрану границ с Турцией. А это нелегкое дело – бесконечные заботы об охране границы; как говорят турки, «даже вода спит, а враг никогда не дремлет». Кто отважнее нас во времена «четырёх наций»²³ бросался в бой с численно превосходящим противником или по боевому зову быстрее собирался под знамена короля? Когда был искуплен наш великий позор – позор Косова²⁴, где знамена валахов и мадьяр склонились перед полумесяцем? Кто же, как не один из моих предков – воевода, – переправился через Дунай и разбил турок на их земле? Конечно же Дракула, настоящий Дракула! К несчастью, после крушения доблестного воеводы его родной брат повел себя недостойно: он продал своих людей туркам²⁵ и навлек на них позор рабства! Не пример ли Дракулы, героя, вдохновил позднее одного из его потомков вновь и вновь переправляться через Великую реку в Турцию? И, несмотря на цепь поражений, снова и снова возвращаться туда? И хотя с кровавого поля боя, где гибли его полки, он приходил домой один, но все равно был неизменно уверен, что в конце концов одержит победу! Его обвиняли в непомерной гордыне. Чушь! Что могут крестьяне без предводителя? Во что превращается война, если ее вести без ума и сердца? И опять же, когда после Мохачской битвы было сбро-

¹⁸ *Тор* – один из главных богов германо-скандинавской мифологии, бог грома, бури, защитник богов и людей от великанов и чудовищ, *сын Одина* (или Вотана), верховного бога в германо-скандинавской мифологии, мудреца, бога войны и победы.

¹⁹ *Берсерки* – в древнескандинавской мифологии неистовые воины. Во время боя их охватывал экстаз, придающий силы и притупляющий боль. Согласно преданиям, берсерки могли принимать облик медведя и волка.

²⁰ *Лангобарды* – германское племя; авары – кочевой народ центрально-азиатского происхождения, возникший на основе союза в основном тюркоязычных племен; в VI веке переселился в Центральную Европу и создал там государство Аварский каганат (VI–IX веков).

²¹ *Арпад* – правитель венгров, первый князь (889–907) в основанной им династии Арпадовичей.

²² *Хонфоглалаш* – дословно «завоевание отечества» (венг.). Венгры, отождествлявшие себя с гуннами, считали, что, завоевав с Арпадом территорию позднейшей Венгрии, они вернулись на родину. В 1896 году, когда Стокер работал над «Дракулой», в Венгрии торжественно отмечали тысячелетнюю годовщину Хонфоглалаша.

²³ Имеются в виду народы, населявшие Трансильванию: мадьяры (так называли себя венгры), саксонцы, секлеры и валахи (румыны).

²⁴ В битве на Косовом поле (Южная Сербия, 1389) турецкий султан Мурад I разбил объединенное войско христиан; в 1448 году там же потерпел поражение регент Венгерского королевства, воевода Трансильвании Янош Хуньяди (1387–1456), возглавлявший движение сопротивления турецкому владычеству.

²⁵ В 1462 году Влада III Цепеша (прототипа Дракулы в романе Б. Стокера), господаря Валахии в 1448, 1456–1462, 1476 годах, сверг его брат Раду III Красивый, которого современники обвиняли в предательстве и связи с турецким султаном Мехмедом II.

шено венгерское иго²⁶, вожаками были мы – Дракулы, наш дух не мог смириться с несвободой. Эх, юноша, секлеры (а Дракулы – их сердце, мозг и меч) могут похвалиться древностью своего происхождения и стойкостью, неведомыми этим новоиспеченным династиям Габсбургов и Романовых. Но дни войны миновали. И кровь в эти дни позорного мира слишком драгоценна, а слава великих народов не более чем старые байки.

Тут наступил рассвет, и мы разошлись спать. (Занятно: мой дневник ужасно напоминает сказки «Тысячи и одной ночи» или историю призрака отца Гамлета – все прерывается при первом крике петуха.)

12 мая

Начну с фактов, неумолимых, несомненных, подтвержденных книгами и цифрами. Не нужно путать их с моими непосредственными впечатлениями или воспоминаниями о них. Вчера вечером граф засыпал меня вопросами касательно права и разных практических дел. Целый день я корпел над книгами, освежая в памяти то, что некогда изучал в «Линкольнз-Инн»²⁷. Граф навёл справки, руководствуясь какой-то своей системой; приведу его вопросы – эти сведения могут рано или поздно мне пригодиться.

Прежде всего он спросил меня о том, можно ли в Англии иметь двух стряпчих. Я объяснил ему, что при желании можно иметь хоть дюжину, но лучше, когда дело ведет кто-то один и полностью за него отвечает, смена же стряпчих лишь вредит интересам клиента. Казалось, граф понял меня, однако продолжал свою линию: возможно ли, спросил он, сделать так, чтобы первый поверенный вел, скажем, его банковские дела, а второй следил за погрузкой корабля совсем в другом месте – далеко от первого. Чтобы не ввести своего клиента в заблуждение, я попросил его объяснить конкретнее.

– Приведу пример, – начал граф. – Наш общий друг, мистер Питер Хокинс, живущий под сенью прекрасного собора в Эксетере, вдали от Лондона, покупает для меня с вашей помощью дом в столице. Прекрасно! Однако позвольте быть с вами откровенным, дабы вы не сочли странным, что я прибегнул к услугам человека, живущего далеко от Лондона, а не к столичному стряпчему: мне хотелось, чтобы при выборе он руководствовался только моими интересами, а не чьими-то еще; у лондонца могут быть свои цели, свои соображения, желание угодить друзьям и знакомым, поэтому я постарался найти поверенного, который будет блюсти только мои интересы. Теперь, допустим, я, человек очень занятой, хотел бы отправить товар, скажем, в Ньюкасл, Дарем, Харидж или Дувр, так не проще ли мне обратиться по этому поводу к кому-нибудь из местных?

Я согласился, что так проще, но добавил, что у стряпчих везде свои представители, готовые выполнить любое поручение на месте, поэтому клиенту достаточно доверить свои дела кому-то одному, а уж дальше его распоряжения будут исполняться без всяких для него хлопот.

– Но ведь я, – заметил граф, – мог бы и сам свободно распоряжаться своими делами. Не так ли?

– Конечно. Это принято среди деловых людей, которые не хотят, чтобы кто-то был в курсе их деятельности.

– Превосходно! – сказал он и принялся выяснять способы оформления поручительств, их виды и то, как избежать затруднений, если их предусмотреть заранее. Я объяснил ему все, что знал по этим вопросам. В конце концов у меня сложилось впечатление, что мой клиент мог бы сам стать великолепным стряпчим, настолько хорошо он предвидел и оговаривал все-

---

²⁶ Битва 29 августа 1526 года у горы Мохач (Венгрия) на правом берегу Дуная между войсками турецкого султана Сулеймана I и венгерского короля Лайоша II закончилась поражением венгров; Трансильвания стала самостоятельным княжеством.

²⁷ «Линкольнз-Инн» – школа при одной из четырех юридических корпораций Лондона.

возможные ситуации. Для человека, который никогда не бывал в стране и далек от этой профессии, его познания и проницательность казались просто поразительными.

Получив все интересующие его объяснения и сведения, достоверность которых я тут же проверил по справочникам, граф неожиданно встал и спросил:

– После первого письма писали ли вы нашему другу, мистеру Питеру Хокинсу, или кому-нибудь еще?

С горечью я ответил, что у меня вообще отсутствует возможность какой бы то ни было переписки.

– Ну так напишите, мой юный друг! – воскликнул он, положив свою тяжелую руку мне на плечо. – Пишите немедленно нашему общему другу и всем, кому хотите, только не забудьте сообщить, что пробудете у меня еще около месяца, считая с сегодняшнего дня, если, конечно, вы не против.

– Вы хотите, чтобы я остался так надолго? – растерянно пробормотал я, и от одной мысли об этом у меня похолодело сердце.

– Я бы этого очень хотел. Более того, отказа не приму. Когда ваш патрон – работодатель или как угодно – сообщил мне, что пришлет своего помощника, мы с ним условились, что во внимание будут приниматься только мои интересы. Сроков я не ограничивал. Разве не так?

Что же мне оставалось делать, как не кивнуть в знак согласия? Ведь речь шла о делах мистера Хокинса, а не моих, я должен был думать о нем, а не о себе. Кроме того, в глазах графа Дракулы, в том, как он держался, было нечто, сразу внушавшее мне, что я пленник. И как я могу отказать, ведь выбора у меня нет. Граф воспринял мой кивок как свою победу, а тревогу, невольно выразившуюся на моем лице, – как свидетельство своей власти надо мною и немедленно воспользовался этим, сказав очень любезным, но не допускающим возражений тоном:

– Очень прошу вас, мой дорогой юный друг, в письмах сообщать только о делах. Несомненно, вашим друзьям будет приятно узнать, что вы здоровы и с нетерпением ждете встречи с ними. Разве не так?

И он протянул мне три листка бумаги и три конверта. Посмотрев на этот тончайший, почти прозрачный, необычный для меня почтовый набор, а затем на графа с его спокойной улыбкой и острыми, клыкообразными зубами над красной нижней губой, я понял столь же ясно, как если бы он прямо сказал мне об этом: нужно быть осторожнее – он может прочитать письма. И я решил написать сугубо официально, а потом тайком – подробно мистеру Хокинсу и Мине (в посланиях к ней я прибегну к стенографии, что поставит графа в затруднительное положение, если он попытается перлюстрировать мою корреспонденцию).

Написав два письма, я спокойно начал читать книгу, а граф в это время делал какие-то заметки, периодически заглядывая в лежащие на столе справочники. Потом он взял мои послания, положил их вместе со своими около письменного прибора и вышел из комнаты. Как только дверь за ним закрылась, я тут же воспользовался возможностью взглянуть на его письма, лежавшие на столе адресами вниз. И не испытал при этом никаких угрызений совести: в нынешних обстоятельствах я вынужден использовать любые возможности для спасения.

Одно из писем было адресовано Сэмюэлу Биллингтону, Уитби, Кресент, дом № 7; другое – господину Лойтнеру, Варна; третье – «Куттсу и К», Лондон; четвертое – господам Клопштоку и Билройту, банкирам в Будапеште. Второе и четвертое были не запечатаны. Только я собрался прочесть их, как заметил, что дверная ручка дрогнула. Я едва успел положить письма в прежнем порядке, бросился в кресло и уткнулся в книгу, как в комнату вошел граф еще с одним письмом в руке. Он взял со стола письма, аккуратно наклеил на них марки и сказал:

– Думаю, вы извините меня, но сегодня вечером я должен поработать в уединении – очень много дел. Надеюсь, у вас есть все, что нужно. – В дверях он остановился и после минутной паузы добавил: – Позвольте посоветовать вам, мой дорогой юный друг, вернее, самым серьез-

ным образом предупредить: если выйдете прогуляться по замку, то ни в коем случае не вздумайте прилечь где-нибудь поспать, только у себя. Замок древний, хранит в своих стенах много воспоминаний, и плохо приходится тем, кто выбирает случайное место для сна. Будьте осторожны! Как только захочется спать, поторопитесь в свою спальню или в одну из этих комнат, здесь ничто не потревожит вас. Но если будете неосторожны, тогда...

И со зловещим видом он показал, что умывает руки. Я принял его слова к сведению, но усомнился в возможности существования чего-то более ужасного, чем та неестественная, чудовищная и таинственная западня, в которую меня угораздило попасть.

Позднее

Убедился в справедливости своего последнего наблюдения: теперь уже нет никаких сомнений. Не побоюсь спать нигде, лишь бы подальше от этого человека. Я положил крест с распятием в изголовье моей кровати – так спокойнее, пусть он будет рядом.

Когда граф ушел, я побыл немного в своей комнате, не было слышно ни звука, я решил выйти – проследовал по каменной лестнице наверх, откуда открывался вид на южную сторону. Обширные, хоть и недоступные пространства излучали дух свободы, пьянивший меня после гнетущего сумрака замка. Глядя на эти просторы, я особенно остро ощутил, что нахожусь в тюрьме; мне хотелось глотнуть свежего воздуха, хоть и была ночь. Чувствую, что ночной образ жизни начинает сказываться на моих нервах: меня пугает собственная тень, мне чудятся кошмарные вещи. Но, видит бог, для моих жутких страхов в этом проклятом месте есть основания!

Я любовался прекрасным видом, озаренным мягким лунным сиянием; было светло почти как днем. Очертания далеких холмов смягчились, тени в долинах и бархатный мрак ущелий как будто подтаяли. Перводанная красота природы ободрила меня; с каждым глотком воздуха я, казалось, вбирал в себя спокойствие и надежду. Высунувшись из окна, я заметил какое-то движение этажом ниже, чуть левее от меня, где, по моим расчетам, находились окна комнаты графа. Высокое окно, у которого я стоял, было заключено в амбразуру, пострадавшую от времени, но тем не менее уцелевшую; впрочем, рама, судя по всему, отсутствовала уже давным-давно. Я спрятался за каменную кладку и осторожно выглянул.

Из окна высунулась голова графа. Лица я не видел, но узнал его по затылку и движению плеч и рук. Во всяком случае, уж руки-то его я не мог не узнать – столько раз я их внимательно разглядывал. Сначала мне было любопытно и даже несколько забавно – удивительно, как мало нужно, чтобы заинтересовать и позабавить человека, находящегося в плену. Но мое любопытство быстро сменилось чувством отвращения и страха: я увидел, как он медленно вылез из окна и пополз по стене лицом вниз – над ужасной пропастью, его плащ развевался подобно огромным крылам.

Сначала я не поверил своим глазам, подумал было: может, это игра лунного света или причудливых теней, но взгляделся внимательнее – и сомнения исчезли. Я отчетливо видел, как пальцами рук и носками ботинок он нащупывал зазоры между камнями, из которых с течением времени выветрилась штукатурка; пользуясь выступами и неровностями, граф, будто ящерица, быстро спускался по стене.

Что это за человек или, точнее, что это за существо в обличье человека? Чувствую, что царящий здесь ужас подавляет меня; я очень напуган и не вижу выхода; я настолько охвачен страхом, что даже подумать не смею о...

15 мая

Опять видел графа ползущим ящерицей по стене. Он спустился наискось футов на сто и исчез в какой-то дыре или окне слева. Когда его голова скрылась, я высунулся и попытался проследить его дальнейший путь, но безуспешно – расстояние было слишком велико, он был

вне поля моего зрения. Но я знал: в замке его уже нет, – и решил воспользоваться случаем и осмотреть то, чего не видел прежде.

Вернулся в комнату, взял лампу и стал дергать все двери подряд. Разумеется, они оказались заперты, замки на них были сравнительно новые. Тогда я спустился по каменной лестнице в зал, через который мы проходили в день моего приезда. Засовы, как выяснилось, довольно легко отодвигались, а большие цепи было нетрудно снять с крюков, но дверь была заперта, а ключа не было. Скорее всего, он в комнате графа... Надо дождаться случая, когда его дверь будет открыта, взять там ключ и бежать.

Я продолжал обследовать лестницы, коридоры и пробовать двери. Одна или две маленькие комнаты близ зала оказались не заперты, но в них не было ничего интересного, кроме старинной мебели, покрытой многолетней пылью и изъеденной молью. В конце концов поднявшись по одной из лестниц, я нашел дверь, которая сначала показалось мне запертой, однако при толчке поддалась. Надавлив сильнее, я почувствовал, что она не заперта, а не открывается потому, что сошла с петель и, будучи очень массивной, просто стоит на полу. Второй раз такой возможности могло и не представиться, поэтому я напрягся изо всех сил и отодвинул ее настолько, чтобы протиснуться в образовавшуюся щель.

Я оказался в правом крыле замка, этажом ниже моей спальни. По расположению окон я понял: это анфилада на южной стороне, а окна последней комнаты выходят на запад и юг. С обеих сторон зияла пропасть. Замок построили на краю большого утеса, неприступного с трех сторон, и именно в юго-западной части были большие окна, неуязвимые для пращи, лука или кулеврины; такие источники света и покоя невозможны в менее защищенных местах замка. На западе виднелась большая долина, за ней пик за пиком уходили в небо огромные зубчатые горные твердыни; крутые склоны поросли рябиной и терновником, корни которых цеплялись за трещины и расщелины в камне. По-видимому, в этой части замка когда-то находилась женская половина: обстановка здесь уютнее, чем в остальных его пределах. Штор не было, и золотистый лунный свет, свободно струившийся сквозь окна, позволял различить спокойные тона и скрадывал толстый слой пыли, маскировавшей разрушительное действие времени и моли. Моя лампа мало помогала при ярком лунном свете, но я был рад, что захватил ее, – ужасное чувство одиночества холодило сердце и натягивало нервы, словно струны. И все же здесь дышалось явно легче, чем в тех комнатах, которые я возненавидел из-за посещений графа. Я постарался взять себя в руки – спокойствие снизошло на меня.

И вот я сижу за дубовым столиком – возможно, в былые времена к нему присаживалась прекрасная дама, чтобы, обдумывая каждое слово и краснея, сочинить любовное письмо, не лишенное орфографических ошибок, а теперь я стенографирую в своем дневнике все, что произошло со мной с тех пор, как последний раз я закрыл его. На дворе XIX век – век науки и прогресса. И все же, если мои чувства не обманывают меня, прошедшие столетия имели и имеют над нами власть, которую не может уничтожить никакой «прогресс».

16 мая. Утро

Да хранит Господь мой рассудок – я в этом очень нуждаюсь. Безопасность – или хотя бы уверенность в ней – в прошлом. Сейчас у меня только одно желание – не сойти с ума, если, конечно, это уже не произошло. Если же я еще в своем уме, то, как ни досадно, следует признать, что из всех кошмаров, подстерегающих меня в этом ненавистном месте, наименее опасен граф: я могу надеяться только на его защиту – по крайней мере, пока он во мне нуждается. Боже всемогущий! Боже милосердный! Помогите мне сохранить хладнокровие, иначе я и в самом деле сойду с ума. Правда, прояснилось кое-что из того, что меня раньше озадачивало. До сих пор я никогда не понимал до конца, что имел в виду Шекспир, говоря устами Гамлета:

Таблички мне, скорей мои таблички...

Теперь же, чувствуя, что разум мой помутился или испытал потрясение, которое должно найти разрядку, обращаюсь к дневнику, чтобы обрести душевное равновесие. Может быть, эта привычка регулярно делать записи хоть как-то меня успокоит.

В свое время загадочное предостережение графа насторожило меня; теперь же оно просто вызывает страх – как бы власть Дракулы надо мной в будущем не стала и вовсе безграничной. Не начну ли я бояться даже усомниться в его словах!

Кончив писать, я спрятал дневник и ручку в карман и почувствовал, что очень хочется спать. Я помнил, что граф предупреждал меня, но был не прочь послушаться его. Сон одолевал меня все сильнее, но я противился – так часто бывает: чем сильнее хочешь спать, тем упорнее стараешься не заснуть. Мягкий лунный свет умиротворял, а бескрайний простор за окном пробуждал чувство свободы, которое будоражило меня и придавало сил.

Я решил не возвращаться в свои мрачные комнаты этой ночью, а лечь спать прямо здесь, где в старину сживали дамы, пели, грустили, когда мужья покидали их и погружались в кровавую пучину беспощадных войн. Я выдвинул стоявшую в углу большую кушетку и, не обращая внимания на пыль, поставил ее так, чтобы наслаждаться прекрасным видом из окон, выходящих на восток и юг; вскоре веки мои смежились. Вероятно, я заснул – надеюсь, что заснул, – однако все последовавшее показалось мне настолько реальным. Даже теперь, когда я сижу здесь среди бела дня и в окна ярко светит солнце, никак не могу поверить, будто это мне приснилось...

Я был не один. Комната несколько не изменилась с тех пор, как я в нее вошел. В лунном свете я различил на полу собственные следы в густом слое пыли. А напротив меня залитые лунным светом стояли три молодые женщины – леди, судя по их одежде и манерам. Я решил, что они мне снятся, поскольку лунный свет падал на них сзади, но на полу не было теней.

Они подошли совсем близко, некоторое время смотрели на меня, потом начали шептаться. Две из них – брюнетки с тонкими орлиными носами, как у графа, с пронизывающим взглядом больших темных глаз, почти красных в бледно-желтом свете луны. Третья – ослепительная блондинка с густыми, вьющимися золотистыми волосами и бледно-сапфировыми глазами. Ее лицо показалось мне знакомым, как будто я уже видел его в каком-то страшном сне, но не мог вспомнить, где и когда. У всех трех – прекрасные белые зубы, сверкающие, как жемчужины, меж алых сладострастных губ. Глядя на этих женщин, я испытал смешанное чувство – вождление и смертельный страх. У меня возникло порочное страстное желание, чтобы они поцеловали меня своими алыми губами. Нехорошо писать об этом – я могу причинить боль Мине, если записи попадутся ей на глаза, – но это правда.

Дамы пошептались и рассмеялись. Их серебристый мелодичный смех прозвучал столь пронзительно, что едва ли мог исходить из нежных человеческих губ. Невыносимый и сладостный звук, который извлекает умелая рука, скользящая по кромке бокала.

Блондинка кокетливо покачала головой, брюнетки подзадоривали. Одна из них сказала: – Ну, давай! Ты – первая, а мы – за тобой. Это твое право – начать.

Другая добавила:

– Он молод и здоров: поцелуев хватит на всех.

Я лежал ни жив ни мертв и, прикрыв глаза, сквозь ресницы наблюдал за происходящим, весь в предвкушении наслаждения. Белокурая дама подошла и наклонилась надо мной – я почувствовал ее дыхание. Оно было сладким, словно мед, и будоражившим нервы, как и ее голос, а к сладости примешивалась неприятная горечь, присущая запаху крови.

Я боялся открыть глаза, но все прекрасно видел сквозь ресницы. Блондинка встала на колени и в вождлении наклонилась ко мне. Ее ленивое сладострастие было одновременно волнующим и отталкивающим. Наклоняясь, она облизывала губы, подобно животному: при свете луны я заметил влажный блеск ее алых губ и красного языка. Она склонялась все ниже и ниже, губы ее скользнули по моему рту и замерли где-то у горла. Я слышал, как она при-

чмокивала, облизывая зубы и губы, чувствовал на шее горячее дыхание. Потом ощутил легкое щекотание, нежное, едва уловимое касание губ, а когда два острых зуба осторожно царапнули мою кожу, я закрыл глаза в томном восторге и ждал – ждал, весь трепеща...

Но в ту же секунду меня пронзило другое, мгновенное, словно вспышка молнии, ощущение: граф здесь, и он – в бешенстве. Я невольно открыл глаза и увидел, как мощной рукой он схватил блондинку за тонкую шею и оттащил от меня. Ее голубые глаза сверкнули гневом, белоснежные зубы скрипнули, щеки вспыхнули. Но что было с графом! Я и представить себе не мог такой ярости и неистовства даже у бесов преисподней. Его глаза метали молнии. Красный отсвет в глазах сделался еще ярче, будто и вправду вспыхнуло адское пламя. Контур его мертвенно-бледного лица стали такими четкими, что напоминали туго натянутые провода, а густые брови, сходящиеся над переносицей, – вздувшуюся полоску раскаленного металла.

Резким взмахом руки он отшвырнул женщину и сделал знак другим, как бы отгоняя их; это был тот же повелительно-властный жест, который я наблюдал при укрощении волков. Тихо, почти шепотом, но так, что голос его, казалось, пронзал воздух, заполняя всю комнату, он произнес:

– Как вы... вы... смеете его трогать?! Или даже смотреть в его сторону? Разве я вам не запретил? Назад, кому говорю! Этот человек принадлежит мне! Попробуйте только его тронуть – и будете иметь дело со мной.

Блондинка с каким-то вульгарным кокетством усмехнулась:

– Ты никого никогда не любил и не любишь!

При этих словах две другие женщины тоже засмеялись, и от их безрадостного, резкого, бездушного смеха я чуть не потерял сознание – казалось, резвятся ведьмы.

А граф повернулся ко мне и, пристально глядя на меня, ласково прошептал:

– Нет, я тоже могу любить; вы в прошлом и сами могли убедиться в этом. Разве не так? Ладно, обещаю, как только покончу с ним, можете сколько угодно целовать его. А теперь уходите! Прочь! Я должен разбудить его – есть дело!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.